

—

IX.

Благодаря близости к столице, жизнь в округе Тунчжоу была относительно благополучной. И хотя тяга к литературе здесь была не столь сильной, как в южных землях Цзяннани, на уездный экзамен в маленьком уезде Уцин в этот раз собралось около четырехсот человек.

Всех претендентов разделили на десять очередей. С корзинами для экзаменов в руках они ждали, пока писарь выкликнет их имена, после чего, следуя указаниям фонарей с номерами, постепенно проходили внутрь для досмотра.

Гу Сьюань стоял в середине одной из очередей. Он ждал долго, и лишь когда небо полностью озарилось утренним светом, наконец услышал свое имя.

Он спокойно шагнул вперед с корзиной. Поскольку каждый тур уездного экзамена длился всего один день, в его корзине, помимо кистей, туши и свидетельства, лежали лишь две лепешки.

Стражник сначала сверил данные по реестру: имя, место рождения, приметы и прочее. Затем, отодвинув в сторону письменные принадлежности, он взял лепешки и разломил их в крошки, проверяя, нет ли внутри шпаргалок. После этого Гу Сьюаня завели в небольшую каморку, где заставили снять всю одежду для тщательного осмотра.

В ходе такого обыска о достоинстве можно было забыть. Гу Сьюаню даже стало любопытно: как в романах героини, переодетые мужчинами, умудрялись проходить этот этап досмотра?

Наконец, когда проверка была завершена, Гу Сьюань переступил порог экзаменационного двора. За воротами располагался небольшой переходный дворик, пройдя через который, он попал в центральный зал. Там стоял уездный чиновник и несколько ученых-линьшэнов, выступавших поручителями для кандидатов.

Здесь Гу Сьюань должен был громко пропеть: «Ученик Гу Ян из деревни такой-то, поручителем выступает линьшэн такой-то». После этого поручитель, стоявший подле чиновника, так же громко подтверждал его слова.

...Уровень неловкости зашкаливал — всё это напоминало переключку пастухов в горах.

Пройдя эту процедуру, он наконец получил из рук чиновника чистый лист для ответов. В верхнем углу стояло число «182» — это был номер его места. Когда все пять туров экзамена закончатся и будут вывешены списки, имен в них не будет — только эти номера.

Гу Сьюань нашел свое место и, сев, первым делом принялся усиленно растирать руки и ноги, чтобы вернуть им чувствительность. Тунчжоу — северный край, в середине второго месяца здесь еще стояли трескучие морозы, но, чтобы исключить возможность проноса шпаргалок, правила запрещали надевать стеганные халаты или одежду на вате. Даже Гу Сьюань, который с прошлого года закалял свое тело, сейчас с трудом переносил этот холод.

Вскоре прозвучали последние подтверждения поручителей. Обошлось без происшествий: все кандидаты оказались честными, никто не пытался выдать себя за другого или смухлевать.

Внезапно трижды прогрехотал гонг. Ворота уездной школы со скрипом захлопнулись. Экзамен начался.

Стражник внес деревянную доску и пошел вдоль рядов. Все ученики разом подняли головы: на доске был наклеен текст заданий первого тура. По традиции требовалось написать два сочинения по Пяти Канонам и одно стихотворение на заданную тему.

Первый тур всегда был самым простым, а количество зачисленных — внушительным, чтобы дать как можно большему числу людей шанс пройти дальше и участвовать в окружных экзаменах.

Гу Сьюань немного подумал, разложил чистый лист и занес кисть. Темы двух сочинений по канонам были несложными. Ему нужно было лишь найти в своей памяти нужные главы из Пяти Канонов, которые он знал наизусть, а затем, следуя формату «восьмичленного сочинения» (багу), изложить их от лица древних мудрецов, вписывая иероглифы в размеченную красными линиями бумагу.

Писал он всегда быстро, а ответы уже давно прокрутились в голове по нескольку раз. Не успел наступить полдень, как оба сочинения были готовы. Гу Сьюань аккуратно отложил их в сторону, чтобы случайно не запачкать тушью.

В этот момент в передней части зала снова ударили в гонг. Оказалось, местный «отец-мать»*- магистрат, сочувствуя замерзшим кандидатам, пожаловал каждому по чашке горячего супа. Желающие должны были поднять руку. Гу Сьюань тут же вскинул ладонь: даже если не пить, горячую чашку можно просто подержать, чтобы отогреть пальцы.

[*«Отец-мать» (父老 — fùlǎo) — образное название местного чиновника, который должен заботиться о народе, как родитель о детях.]

Впрочем, суп оказался неплох — из редьки с тофу, довольно густой. Гу Сьюань высыпал туда наломанные стражником лепешки — получилось некое подобие похлебки. Горячая еда согрела тело и дух. Почти каждый в зале попросил себе порцию, и многие последовали его примеру, размачивая сухари в супе.

После короткого полуденного отдыха Гу Сьюань написал стихотворение, и на этом первый тур для него фактически завершился.

К сумеркам небо начало темнеть. Снова прозвучал гонг — пришло время сдавать работы. Задания были не слишком трудными, и почти все успели закончить вовремя. Когда листы собрали, ворота экзаменационного двора распахнулись. Кандидатов выпускали партиями по номерам мест — этот процесс назывался «фанпай».

Место Гу Сьюаня было в хвосте, и когда он вышел, площадь перед школой уже была забита людьми и повозками. Однако он был высок, статен и выделялся своей прямой осанкой среди толпы дрожащих от холода и бледных книжников.

— Муж!.. — из толпы донесся приглушенный голос Се Чаньюэ.

Гу Сьюань раздвинул людей и направился к своей воловьей повозке. Быка купили в конце прошлого года, а повозку сделал Гу Лаоэр под руководством сына. Это было удобно: и товары в город возить, и забирать Гу Сьюаня из академии по вечерам. Для зимы Гу Лаоэр соорудил на повозке простой навес; от холода он не спасал, но от ветра защищал неплохо.

Этим утром Гу Лаоэр и Се Чаньюэ приехали в город вместе с ним. Как только Гу Сьюань подошел к повозке, в руки ему тут же сунули чашку теплого имбирного отвара.

— Муж, скорее, выпей глоточек! — затараторил Се Чаньюэ, накидывая ему на плечи огромную ватную одежду.

Гу Сьюань плотнее закутался, забрался в повозку и, осушив несколько чашек отвара, наконец обрел способность говорить:

— Поехали домой. Мне нужно на кан, прогреться хорошенько, иначе в себя не приду.

Гу Лаоэр, сидевший на козлах, усмехнулся:

— Да уж, учение — тяжкий труд. В такой холод в одной тонюсенькой одежке держать... Аж губы посинели.

В этот момент к повозке подбежал паренек, на вид слуга, и выкрикнул:

— Господин Гу!

Гу Сьюань выглянул — это был человек Ван Сюя.

— Как там А-Сюй? — спросил он.

Слуга улыбнулся:

— С молодым господином всё в порядке. Он велел мне узнать, здоров ли господин Гу?

Гу Сьюань кивнул:

— Я в норме, передай, пусть не беспокоится.

Слуга поклонился и добавил:

— Молодой господин велел напомнить, что результаты первого тура вывесят через два дня, а второй тур начнется через три дня. Смотрите не опоздайте.

— Не опоздаю.

Гу Сьюань поблагодарил его за заботу и предложил чашку имбирного отвара. Слуга, который тоже изрядно промерз, ожидая у ворот, махом выпил её и радостно умчался прочь. После этого Гу Лаоэр прикрикнул на вола, и повозка тронулась.

Се Чаньюэ протянул свои ладони, которые он долго растирал, и прижал их к щекам мужа, пытаясь передать ему тепло. Гу Сьюань просто усадил его к себе на колени, используя маленького супруга как живую грелку.

Менее чем через полчаса тряски они были дома. Му Ся и остальные не задавали лишних вопросов об экзамене — лишь поскорее отправили его на прогретый кан отдыхать. Се Чаньюэ сам принес ему ужин прямо в постель. Гу Сьюань невольно усмехнулся: в своей прошлой жизни он видел, как так же заботятся о выпускниках перед экзаменами, но сам он, оставшись сиротой, был лишен этого. И вот теперь, в другом мире, ему довелось это испытать.

После ужина он, по обыкновению, обнял супруга и провалился в сон на теплом кане. На

следующее утро он проснулся в привычном бодром и холодном расположении духа.

Уездный экзамен состоял из пяти туров по одному дню каждый. Вчера был только первый. После каждого тура работы проверялись немедленно, и через пару дней вывешивались списки. Только те, кто прошел первый тур, допускались ко второму, и так далее. Поэтому с каждым разом кандидатов становилось всё меньше.

Первый тур — «чжэнчан» (основной) — был самым важным. Те, кто прошел его, уже получали право участвовать в окружных экзаменах (фуши). Участие в последующих четырех турах уездного экзамена зависело от желания самого ученика, но те, кто был уверен в своих знаниях и претендовал на высокое место в рейтинге, обычно шли до конца.

Гу Сьюань нацелился на звание «аньшоу»* (первое место в уездном списке), а затем и на «сяосаньюань»**, поэтому он не пропустил ни одной игры.

[*Аньшоу (头号, ànshǒu) — звание лучшего ученика, занявшего первое место в списке на экзамене. **Сяосаньюань (三甲, Xiǎosān yuán) — титул для того, кто занял первые места на трех последовательных экзаменах: уездном, окружном и провинциальном.]

Отдохнув дома несколько дней, он снова ступил в знакомый экзаменационный зал. Между первым и вторым турами был перерыв в три дня, между остальными — по два дня. Когда огласили результаты первых четырех туров, номер «182» неизменно оказывался в самом центре круга — на первой строчке. Внимательные люди уже начали шептаться, что именно этот номер, скорее всего, станет «аньшоу» этого года.

К тому времени, когда Гу Сьюань завершил последний, пятый тур, календарь уже перелистнул страницу на третий месяц.

Мир вокруг больше не полнился пронизывающим ветром и холодным дождем; хмурая серость отступила, уступив место ласковому весеннему теплу и изумрудной зелени молодой травы.

В управе уезда Уцин магистрат и инспектор по делам образования как раз вскрывали запечатанные свитки с именами тех, кто прошел все туры, начиная с первого, чтобы составить финальный список — «аньбан». Тот, кто займет в нем первую строчку, станет «аньшоу» — лучшим на уездном экзамене. Этот почетный статус давал право миновать окружной экзамен и сразу отправиться на более престижный, провинциальный.

Магистрат Ду просмотрел пять-шесть работ и личные дела кандидатов, отобранные советником Лу, и сухо спросил:

— Значит, это самые выдающиеся в этом году?

Советник Лу поспешно ответил:

— Эти люди показали отличные результаты во всех пяти турах, к тому же они пользуются доброй славой как в своих академиях, так и среди простых людей.

Магистрат Ду кивнул и повернулся к сидящему напротив инспектору:

— Брат Цинь, к какому выводу вы пришли?

Инспектор Цинь, поглаживая бороду, кивнул:

— В прошлые годы мне приходилось изрядно поломать голову, но в этот раз один юноша оказался на голову выше остальных. Я готов поручиться за него.

На строгом лице магистрата Ду промелькнула тень улыбки:

— О... дайте-ка угадаю. Это номер сто восемьдесят второй?

Инспектор Цинь тоже рассмеялся:

— Раз и у господина магистрата сложилось такое же мнение, можно приступать к оглашению списка.

Советник Лу, вспомнив данные из дела номера 182, оживился:

— Ваше превосходительство, стоит сказать, что этот юноша имеет с вами некую... связь.

— Хм... — Лицо магистрата Ду помрачнело. — Если так, то нам стоит заново пересмотреть рейтинг, дабы избежать кривотолков.

Чиновники в те времена крайне щепетильно относились к вопросам кумовства и личных связей.

Советник Лу, побледнев, поспешил объяснить:

— О, господин магистрат, вы не так поняли! Этот юноша — тот самый сын семьи Гу из деревни Хуанъян, который избрел «Машину почтительного сына».

— Вот оно что, — протянул Ду, после чего погрозил советнику пальцем. — Ты едва не погубил важное дело.

Инспектор Цинь добродушно улыбнулся:

— Хорошее дело не бывает легким. Талант этого юноши необычайно ярок, а его преданность и сыновняя почтительность делают его достойным звания «аньшоу» в этом году без всяких сомнений.

Тем временем в деревне Хуанъян яркое весеннее солнце, сиявшее несколько дней подряд, наконец пробудило в Се Чаньюэ неудержимое желание порезвиться на воле.

Гу Сьюань стоял у окна за своим рабочим столом, занятый привычными делами: каллиграфией и написанием трактатов. Едва он закончил очередной текст и отложил кисть, как со спины к нему прижалось знакомое нежное тепло. Гу Сьюань едва заметно улыбнулся и, развернувшись, усадил супруга к себе на колени.

Поглаживая Чаньюэ по округлым щекам, он спросил:

— Что случилось?

Се Чаньюэ обвил шею мужа руками и принялся ластиться:

— Ты так долго писал! Не пора ли нам немного прогуляться?

Гу Сьюань посмотрел на него:

— И во что ты хочешь поиграть?

Глаза Чаньюэ загорелись:

— Как насчет запустить бумажного змея? Мне кажется, сегодня идеальный ветер!

Гу Сьюань легонько ущипнул его за изящный носик:

— Значит, уже всё заранее спланировал.

Се Чаньюэ, довольно ворча, чмокнул его в щеку.

Змея они купили в уездном городе, когда закончился последний тур экзамена. Придя домой, Чаньюэ счел рисунок на нем слишком скучным и сам разрисовал бумагу затейливыми узорами.

Весна была в самом разгаре. Берег дамбы за деревней зарос сочной травой; деревенские ребятишки всю резвились там, копаясь в земле в поисках жуков. Чуть поодаль у реки лениво пил воду старый желтый вол. Едва Гу Сьюань и Се Чаньюэ показались на лугу, они тут же притянули к себе все взгляды. Больше всего детвору манил расписной змей в руках Чаньюэ.

Гу Сьюаню забава со змеем была не особо интересна, поэтому он сказал детям:

— Идите, помогите брату Чаньюэ.

Дети поначалу побаивались холодного лица Сьюаня, но, понаблюдав немного, не выдержали и гурьбой облепили Се Чаньюэ. Гу Сьюань присел на небольшом склоне неподалеку. Глядя, как супруг весело бежит с ребятней за бумажным змеем, он невольно улыбнулся.

Они играли всё утро, пока за детьми не начали приходить матери, зазывая их домой к обеду. Се Чаньюэ проявил истинное благородство, заявив, что если они захотят поиграть снова, то могут просто прийти за ним в дом семьи Гу. В ответ он удостоился восторженного хора голосов: дети окружили его, наперебой называя «старшим братом».

Перед уходом одна из матерей с улыбкой заметила:

— Чаньюэ, ты так любишь детей! Вы в браке уже почти год, пора бы и своего завести.

Лицо Се Чаньюэ на миг омрачилось. Он знал, что гэрам не так просто забеременеть, и многие из них за всю жизнь так и не познают радости родительства.

Заметив перемену в его настроении, Гу Сьюань спросил:

— О чем задумался?

— О детях, — едва слышно ответил тот.

Гу Сьюань нахмурился и твердо произнес:

— Дети — это вопрос судьбы, не стоит принуждать себя.

Се Чаньюэ взглянул на него:

— И тебе совсем всё равно?

Гу Сьюань покачал головой:

— Почему мне должно быть не всё равно? Может, проблема вообще во мне, и это я не могу иметь детей. Ты тут ни при чем.

Чаньюэ в испуге прижал ладонь к его губам:

— Не говори глупостей!

Гу Сьюань тихо рассмеялся:

— Ты так сильно хочешь ребенка? Но если он появится, я, возможно, перестану любить тебя больше всех. Я не буду первым делом думать о тебе, когда принесу домой что-то вкусное, и на руках у меня целыми днями будет ребенок, а не ты...

Лицо Се Чаньюэ тут же изменилось — в его глазах отразилась глубокая растерянность.

Стоило ему представить, что кто-то — кто бы то ни было — может занять место в сердце Гу Сьюаня, как он понял: он этого не вынесет.

Он посмотрел на мужа и, ластясь, проговорил:

— Тогда... давай пока не будем об этом думать.

— Вот и славно, ты еще мал, не стоит забивать голову детьми так рано, — Гу Сьюань погладил его по голове. — Ладно, пойдем домой.

— Угу, — кивнул Се Чаньюэ.

— Хм, есть три вида сыновней непочтительности, и отсутствие потомства — самый тяжкий грех! Вы не хотите детей? Да вы просто позорите своих родителей! — внезапно раздался звонкий юношеский голос.

Гу Сьюань и Се Чаньюэ подняли глаза. Неподалеку стояли Се Дун и Се Цю. Говорил, разумеется, Се Дун — этот маленький дуралей, видимо, так и не усвоил урок после прошлой взбучки.

Гу Сьюань мельком взглянул на него и небрежно спросил:

— Ты ведь тоже участвовал в уездном экзамене. На каком же ты месте? Неужели тебе всё-таки придется прокричать у входа в деревню сто раз: «Се Дун — первый в мире дурак»?

Лицо Се Дуна пошло пятнами:

— Что за чушь ты несешь! Я не давал тебе никакого согласия на спор! И вообще, с чего ты взял, что сам сдал хорошо?

Гу Сьюань холодно усмехнулся:

— Раз уж ты считаешь, что я не справлюсь, может, возобновим наш уговор?

— Хм... Еще чего! — встретившись с его ледяным взглядом, Се Дун струсил и, пробормотав ругательство, поспешил поскорее убраться восвояси.

Се Цю бросил на супругов сложный, нечитаемый взгляд и поспешил за ним.

Наступило утро оглашения результатов уездного экзамена. Му Ся встал пораньше, чтобы приготовить завтрак. Когда с едой и сборами было покончено, Гу Лаоэр запряг вола, а Му Ся замер у порога, провожая их.

Гу Сыюань посмотрел на маленького отца и спокойно произнес:

— Папа, почему бы тебе не поехать в город с нами? Дома сейчас дел особо нет.

Му Ся опешил, на его губах расцвела улыбка, и он изо всех сил закивал. Из-за своей немоты он редко выбирался в уездный город, и поездка вместе с сыном на оглашение результатов имела для него совершенно особый смысл.

Ли Сянтао, сидевшая у своего порога с миской в руках, не удержалась от колкости:

— Посмотреть только — можно подумать, в «аньшоу» метит! Чтобы просто узнать место, всей семьей тащатся. Чего ради так выставляться?

В этот раз ни Гу Сыюаню, ни Се Чаньюэ не пришлось вступать в бой — Му Ся сам первым наградил её тяжелым, яростным взглядом.

Когда семья из четырех человек прибыла в уездный город, обычно просторные улицы были забиты людьми так, что яблоку негде было упасть. А на улице Шуши и вовсе было не протолкнуться.

Гу Лаоэр вел Му Ся сквозь толпу:

— Хорошо, что послушали А-Яна и оставили повозку за городскими воротами, иначе мы бы здесь намертво застряли.

Му Ся согласно кивнул: «А-Ян такой умный».

Се Чаньюэ добавил еще прямее:

— Мой муж самый умный.

— ... — Гу Сыюань промолчал.

Хотя он прожил в этом мире почти год, ощущение того, что вся семья — его преданные фанаты, всё еще казалось ему в новинку.

В этот момент сверху раздался знакомый голос:

— Брат Гу, сюда!

Гу Сыюань поднял голову и увидел Ван Сюя, который махал ему из окна чайной, расположенной по левую сторону. Он кивнул в ответ и обратился к родителям:

— Это мой сокурсник. Отец, папа, пойдемте в ту чайную.

Гу Лаоэр припомнил Ван Сюя — этот юноша часто крутился подле его сына, когда он забирал того из академии зимой. Вчетвером они начали медленно пробиваться сквозь людское море к дверям заведения. Путь, который обычно занимал секунды, в этот раз превратился в долгое

преодоление препятствий.

Когда официант привел их в отдельный кабинет, на столе перед Ван Сюем уже стояли четыре чашки чая.

— Скорее выпейте по глотку, народу просто тьма... — начал было Ван Сюй, но вдруг осекся и вытаращился на Се Чаньюэ: — Ты?! Как ты здесь оказался?

Се Чаньюэ тоже узнал собеседника:

— Ты... Ты же тот самый из семьи Ван?

Гу Сыюань не был удивлен. Се Чаньюэ прожил в столице шестнадцать лет, разумеется, он знал многих сверстников своего круга. Он лишь усадил супруга и родителей за стол:

— Поговорим спокойно.

Ван Сюй отмахнулся:

— Что значит «тот самый»? Я — шестнадцатый молодой господин из дома Ван!

Се Чаньюэ закатил глаза и, придвинувшись к Гу Сыюаню, зашептал:

— Муж, ты не представляешь, этот тип в столице только и делал, что дрался и ввязывался в неприятности.

Гу Сыюань посмотрел на Ван Сюя с явным удивлением.

Тот лишь фыркнул:

— Это потому что некоторые слишком много болтали языком. Я-то тут при чем? — Он перевел взгляд на Гу Сыюаня: — Брат Гу, так ты, оказывается, на нем женат? Я-то гадал, кто в этой глуши мог привлечь твой взор. Ну, готовься, в будущем тебе придется несладко — этот парень тот еще фрукт.

Се Чаньюэ сердито сверкнул глазами и еще крепче вцепился в руку мужа. Гу Сыюань легонько сжал его щеку, успокаивая.

Гу Лаоэр и Му Ся впервые оказались в городской чайной; им всё было в новинку, и они то и дело поглядывали в окно. Место, выбранное Ван Сюем, было особенным — окна выходили прямо на стену, где вывешивали списки. Как только наступит благоприятный час и стражники сорвут красный шелк, человеку с таким зрением, как у Гу Сыюаня, даже не нужно будет спускаться вниз — всё будет видно прямо из окна.

Только он об этом подумал, как с улицы донеслись удары гонга, а следом — треск праздничных петард. Все в кабинете повскакали и прильнули к окну.

— Брат Гу, какой у тебя номер места? — спросил Ван Сюй.

— Сто восемьдесят второй, — ответил Гу Сыюань.

Ван Сюй кивнул и велел слуге сбежать вниз, чтобы передать номер другому слуге, который уже дежурил у самой стены.

В этот миг канонада стихла. Стражник внизу ухватился за край красной ткани и с силой сорвал её, провозгласив:

— Тридцать первый год правления под девизом Цинцзя великой династии Чжоу! Списки уездного экзамена Уцина открыты!

Толпа взорвалась криками. Однако стража стояла плотной стеной, и, несмотря на весь шум, никто не смел переступить черту перед списком.

Се Чанъюэ в волнении сжал плечо мужа:

— Муж, как думаешь, на каком ты месте?

Гу Сьюань кивнул:

— Все в порядке. Я уже вижу.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281589>